

Историческая антропология и микроистория в курсе преподавания русской культуры на занятиях по РКИ

Вознесенский К.А.

Данная статья даёт некоторый обзор понятиям «микрокультура», «столкновение культур», «микроистория» и «связь антропологии с микрокультурами». Автор обращается к этим вопросам в связи с подачей культуроведческого материала на уроках русского языка как иностранного, ибо в реальной жизни иностранцам трудно понять некоторые процессы, происходящие в современном российском обществе. А обращение к культуроведческому материалу через изучение вопросов исторической антропологии и микрокультур должно подвести иностранных учащихся к разностороннему пониманию такой разнокультурной среды как российское общество.

Ключевые слова: антропология, микрокультура, культурные ареалы, столкновение культур, моральные стандарты, бытовое поведение, реинтеграция, микроистория, новое мышление, методика преподавания, культуроведение

Интерес к культуре, культурной истории и «культурным исследованиям» со всей очевидностью проявился в 1980-е и 1990-е годы. Однако в разных дисциплинах этот поворот к культуре имел несхожие последствия и, не исключено, разный смысл. Так, в случае культурной психологии это означало расставание с идеей, что человеческие существа обладают идентичными побуждениями, а также сближение с социологией и антропологией. Насущной задачей культурной географии был отказ от традиционной идеи «культурных ареалов», игнорирующей культурные различия и социальные конфликты внутри конкретного региона. В экономике интерес к культуре был связан с растущим вниманием к проблеме потребления и с пониманием того, что тренды нельзя убедительно объяснить на основании элементарной модели рационального потребителя. В политологии продолжала доминировать модель рационального избирателя,

но там всё больше сказывалась тенденция рассматривать политику как символическое действие. Даже такой трезвый политолог, как Самюэль П. Хантингтон, рассуждал теперь о «столкновении культур».

Что касается истории, то некоторые исследователи, добившиеся известности в области политической истории (Джон Эллиот) обратились к культуре. В соавторстве с историком искусства Джонатаном Брауном Эллиот опубликовал исследование «Дворец для короля» (Б. Эллиот, «Дворец для короля», 1980), где постройки и убранство дворца Буэн Ретире близ Мадрида рассматриваются как демонстрация могущества испанских Габсбургов. По сравнению с предшествующими десятилетиями историки стали более склонны использовать такие выражения, как «печатная культура», «придворная культура». Эту тенденцию можно проиллюстрировать несколькими примерами, взятыми из научных работ 1990-х годов: «культура меритократии», «культура предпринимательства», «культура азартных игр», «культура любви», «культура протеста», «культура вежливости», «культура оружия».

Как отметил в 1989 году Кит Томас: «В Соединённом Королевстве такого предмета (история культуры) нет, так же как, по сути, не существует профессорских или преподавательских вакансий по чтению курсов культурной истории, кафедр культурной истории, тематических журналов или конференций».

В работе Ф.С. Лайонза «Культура и анархия в Ирландии 1890-1939 г².г.» (1979), Ирландия описана как страна, поделённая между четырьмя культурами (английской, ирландской, англо-ирландской и культурой протестантов Ольстера), или четырьмя общинами, которые «не могут существовать ни вместе, ни порознь». Он утверждает, что политические проблемы – относительно поверхностные проявления глубинных культурных

-
1. Б. Эллиот, «Дворец для короля», 1980
 2. Lyons F.S.L. Culture and Anarchy in Ireland. 1890—1939. Oxford: Clarendon Press, 1979.

конфликтов или «столкновений». Культурная история в Ирландии находится в зачаточном состоянии.

За последние тридцать лет произошёл постепенный сдвиг в употреблении историками термина «культура»: ранее им обозначалась высокая культура, теперь же сюда входит и культура повседневности, то есть обычаи, жизненные ценности и образ жизни. Иначе говоря, историки приблизились к антропологическому взгляду на культуру.

Среди антропологов самое пристальное внимание историков привлекли Марсель Мосс и его работы о даре, Эдвард Эванс-Причард и его труды о колдовстве, Мэри Дуглас, писавшая о чистоте, и Клиффорд Гирц, исследовавший обычаи обитателей острова Бали. Российский исследователь Арон Гуревич сопоставил скандинавские пиршества с описаниями потлача у индейского племени квакиутль Британской Колумбии (потлач – общий сбор, на который вождь приглашает соратников и соперников быть свидетелями уничтожения ценных предметов). Опорой ему послужил московский анализ существовавших в традиционных обществах правил дарения, в особенности обязанности принимать дары и возмещать их – либо ответным даром некоторое время спустя, либо верностью и услугами дарителю. В средневековой Скандинавии щедрость была не только моральным долгом сильных мира сего, залогом их статуса, но и магическим свойством, обеспечивающим мир и богатый урожай.

К примеру, английские «ведуны» эпохи Тюдоров и Стюартов сравниваются с африканскими прорицателями XX века. Анализ социальной функции веры в колдовство, за которой стоит утверждение «общепринятых моральных стандартов», развивает предположение, впервые высказанное Эванс-Причардом, что у центральноафриканской народности азанде вера в колдовство «является ценным нейтрализатором недобрых побуждений, поскольку демонстрации грубости, раздражительности или враждебности может вызвать серьёзные последствия».

По примеру лингвистов Леви-Стросс обратился к исследованию связей между элементами культурной и социальной системы, особо подчёркивая значение бинарных оппозиций – высокий-низкий, свет-тьма, сырое-приготовленное и т.д.

В русском духе, - можно считать статью Юрия Лотмана о «поэтике бытового поведения» в России 18 столетия. Там нет ссылок на антропологов, но Лотман вполне антропологически продемонстрировал, что чем дальше от нас та или иная культура, тем легче нам сделать её быт предметом исследования. Выбор в качестве казуса России 18 века имеет то преимущество, что проводимая Петром Великим и его наследниками культурная вестернизация поставила перед русским дворянством проблему жизненного уклада и, соответственно, породила нужду в таких учебниках хороших манер, как «Юности честное зеркало» (1717), где объяснялось, как вести себя на европейский лад. «Русский дворянин в петровскую и постпетровскую эпоху оказался у себя на родине в положении иностранца», а наро¹д видел в нём ряженого (Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре 18 века. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. с.249).

Клиффорд Гир²ц (*Гирц К. Интерпретация культур* / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

с.201-220) ставит на первое место смысл и то, что он в своей статье именуется «плотным, насыщенным описанием». Его определение: культура – «исторически передаваемая система значений, воплощённая в символах, система унаследованных представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают своё знание жизни и отношение к ней».

1. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре 18 века. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. с.249

2. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004 (с.201-220).

У Виктора Тернера идея «социальной драмы» выросла из полевых наблюдений в Африке, где, как он заметил, жизнь сообщества была подвержена потрясениям, часто имевшим «более или менее стабильную последовательность» из четырёх фаз: нарушение нормальных общественных отношений, кризис, попытка восстановить равновесие и, в итоге, «реинтеграция» или, наоборот, признание «раскола».

Контакты между дисциплинами, как и межкультурные контакты, нередко подчинены принципам согласованности и конвергентности. В чужой культуре обычно привлекательны идеи или практики, имеющие аналогию в родной культуре, нечто привычное и непривычное одновременно. В результате таких притяжений идеи и практики двух культур приобретают ещё большее сходство.

В 1953 году Л.П. Хартли предпослал своей повести «Посре¹дник» (Л.П. Хартли, «Посредник», «Зарубежная проза», 1953) эпиграф: «Прошлое – чужая страна. Там всё делается по-другому»

Столетие назад японцы научились более высоко ценить своё культурное наследие, когда столкнулись с западным восхищением гравюрами на дереве, театром «но» и звучанием сямисена.

В своей работе «Галилей-придворный²» (*Biagioli Mario. Galileo Courtier. Chicago, 1993*) Марио Бьяджоли, анализируя отношения Галилея со своим патроном, объяснял некоторую театральность, с которой учёный вынужден был представлять себя и свои открытия. Например, Галилею приходилось отвечать на задаваемые ему вопросы «с остроумием, как того требовала придворная культура». От него ожидали участия в диспутах, которые устраивались за столом великого герцога в качестве послеобеденного

1. Л.П. Хартли, «Посредник», «Зарубежная проза», 1953

2. Biagioli Mario. Galileo Courtier. Chicago, 1993. Марио Бьяджоли, «Галилей-придворный», 1993

развлечения. Для придворного досуга начала 17 века «значение имел не столько конечный результат, сколько видимость».

Микроистория была своего рода откликом на сближение с антропологией. Последняя предлагала альтернативную модель – расширенное изучение казусов, оставлявшее место для культуры, для независимости от экономического и социального детерминизма, для отдельных личностей и мелькавших в толпе лиц. Микроистория была ответом на растущее разочарование в так называемом «метаповествовании» прогресса – том становлении современной западной цивилизации, этапами которого были Древняя Греция Рим, христианство, Возрождение, Реформация, научная революция, Просвещение, Великая французская революция. Эта победительная история ничего не говорит о достижениях и о вкладе других культур, как и о различных социальных группах Запада, которые не принимали участия в перечисленных движениях. Вполне очевидно, что эта критика метаповествования в истории идёт параллельно с критикой так называемого «канона» великих писателей в английской литературе или великих художников в западном искусстве. За всем этим можно увидеть реакцию против глобализации, утверждение ценностей региональных культур и местных знаний.

В других исторических исследованиях, вдохновлённых не столько антропологией, сколько географией и фольклором, объектом изучения стали более крупные локальные образования – не семья или деревня, а целые регионы. С 1970-х годов в свет вышли сотни микроскопических исследований, посвящённых деревням, отдельным людям, семьям, женским монастырям, бунтам, убийствам и самоубийствам.

В современном российском обществе, где происходит постоянный раскол между бедными и богатыми, центральными регионами и провинциями, большими городами и малыми, местным населением и пришлыми жителями подобные исследования дают богатую почву для работы в иностранной аудитории. Например, иностранные стажёры и

студенты всегда интересуются молодёжными сообществами, новыми спортивными и музыкальными увлечениями, неординарными течениями в литературе и искусстве. Особый интерес вызывает соприкосновение русской культуры начала 21 века с культурными течениями Востока и Запада, где современные выходцы из России создают свой новый мир и порождают новое мышление на основе слияния нескольких языков, традиций и даже верований.

Из вышесказанного можно сделать то заключение, что в методике преподавания русского языка как иностранного, особенно в таком аспекте как «Русская культура в мировом культурном процессе», постоянно возникают всё новые и новые вопросы и проблемы, знания о которых необходимо развивать у иностранной аудитории на основе современного русского языка и литературы.

Вознесенский Кирилл Аркадьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО (У) МИД РФ, e-mail: voznescirill@yandex.ru

Kirill A. Voznesensky. Historical anthropology and microhistory in the classes of rassian culture (russian language for foreign students)'

This article gives an overview of concepts of "microculture", "collision of cultures", "microhistory" and "a connection of anthropology with microcultures". Author refers to these issues in connection with the presentation of cultural material at the lessons of Russian as a foreign language, because in real life it is difficult for foreign students to understand some of the processes taking place in modern Russia's society. Applying to the material on cultural issues through studying historical anthropology and microcultures should bring foreign students to the understanding of such a multicultural surrounding as Russian society.

Key words: *anthropology, microculture, collision of cultures, microhistory, multicultural, moral standars, reintegration, arials of culture, new science, methodic of teaching*